

Приглашение к размышлению

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ. МАТЕРИАЛИЗМ.
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ**

**Э.А. Тайсина. Теория познания. Интродукция и рондо
каприччиозо. – СПб.: Алетейя, 2013. – 608 с.**

М.И. БИЛАЛОВ

В последние годы Э. Тайсина придает концептуальную завершенность своим многолетним исследованиям. Она ставит своей целью создание новой гносеологии, которая учла бы достижения последних десятилетий, оставаясь при этом верной многим классическим принципам. В основе этой концепции лежит постулат единства учения о бытии, онтологии, и учения о познании, гносеологии, а также того, что составляет их предмет. Но онтологии не объективистской, в которой человек присутствует вне бытия, а экзистенциальной, где человек находит себя в здесь-и-теперь-бытии-сознании. Стартовой платформой движения познания в таком экзистенциальном материализме становится здесь-и-теперь-бытие-сознание, исключающее кантианский принцип разведения вещи-в-себе и явления, бытия и познания.

Работа написана в стиле философского эссе и имеет своей целью рассмотреть историю самой гносеологии как тщательное обсуждение ее основной синтагматики. Это своеобразное вступление – интродукция к основной теме – рондо. При этом профессор Э. Тайсина следует еще одной сквозной установке – «чтобы материализм в гносеологии развивался». Эти цели и задачи весьма непросты. И не только потому, что многочисленные за последние полтора столетия «отказы» от нормативной методологии науки, доходящие до концептуальных утверждений в гносеологии крайне затруднили любую системную инициативу в философии, но еще и потому, что гносеология продолжает оставаться ключевой и сложнейшей составляющей философского знания.

Несколько слов об одном сквозном понятии монографии: синтагматике. Автор работы справедливо избегает однозначных дефиниций, они действительно неуместны для выражения сложного понятийного смысла. Синтагматика предстает способом получения, организации, хранения, трансформации и трансляции знания, промежуточным между диалектикой и метафизикой (Глава I. Наложение принципов систематизации философского знания (Синтагматический срез)). Синтагма используется, чтобы уловить, «поймать» процесс, не покой и не

движение, а образ движения. Кадр. Нет, не кадр и не фрейм, а ...пропозиция? Отрезок дуги, выпрямленный во фразу? Синтагма – «условно прямые отрезки в действительности дугообразного, криволинейного движения познавательного процесса, развитие которого («раз-вие» в изначальном смысле этого слова, как «раз-вивание» нити – но также и «свивание», сплетение и перекручивание ее по типу ленты Мёбиуса (С. 123)) приводит к постепенному приближению сферы знания к сфере бытия вплоть до совпадения. При всей неопределенности, свойственной становлению, термин, на наш взгляд, если и не схватывает сущность, то отражает метаморфозы, происходящие с понятиями истины и знания в мире информаций и игры смыслов.

Работая с историко-философским материалом, она и здесь верна адекватному осмыслению гносеологии. При этом учтены не только значимые повороты в смене эпистемологических концепций, но и неприметные переходы в истории гносеологии. Одновременно соблюдается дистанция между гносеологией и эпистемологией, даже некоторая настороженность против монополии последней в англо-саксонских странах. Это справедливо, ибо эпистемология – это теория *научного* познания, и она, при всем пиетете по отношению к науке, не заменяет собою все существующие виды познавательной деятельности. В противном случае предмет философии был бы значительно сужен.

Перемены и трансформации гносеологии довольно подробно рассмотрены в двух последующих главах («Онтология экзистенциального материализма» и «Гносеология экзистенциального материализма»), с учетом, что и здесь должны быть уловлены детали. Изучены идеи не только Демокрита и Эпикура, Аристотеля и Платона, но и многочисленные свидетельства комментаторов – Диогена Лаэртца, Плутарха, Симплиция, Аэция, Секста, Галена и др. Но главным предтечей онтологии экзистенциального материализма предстает, разумеется, М. Хайдеггер. Чего стоит позиция автора в оценке смены классической гносеологии (оперирующей познанием) в Новейшее время неклассической гносеологией – многочисленными концепциями понимания! Э.А. Тайсина констатирует, что в марксизме познание и понимание – синонимы и, оставаясь на позиции материализма, показывает, что это едва ли не антиномичные концепты: познание идет от объекта к субъекту, понимание – от субъекта к объекту. При этом познание предполагает открытие истины, понимание – приписывает смыслы; познание объясняет, понимание истолковывает; классическая («архаическая») теория познания наивна, новейшая (кантианская) теория понимания софистична.

Рецензируемая работа характеризуется предметным многообразием рассматриваемых проблем, многообразием подходов к ним: здесь и феноменология, и герменевтика, да еще и щедрые на философские неопределенности философски неустоявшиеся постмодернистские мнения... Действительно, как работать серьезному исследователю-гносеологу в условиях стирания «различия между объектом, субъектом, явлением, сущностью, достоверностью, вероятностью, эпистеме и докса, наукой и повседневностью», когда «современные землепашцы об истине, сущности, объективном знании уже и не говорят иначе как иронически»?

В монографии импонирует и то, что автор не избегает дискуссий по поводу традиционных и, казалось бы, уже исчерпавших себя терминов, таких как «гносеологический образ», «представление»... Вроде бы, нам уже хватало сомнений, связанных с тем, что «в материалистической теории познания представление стоит ровно между чувственным познанием и абстрактным мышлением, обладая чертами как того, так и другого». Но нет же. Э.А. Тайсина показывает читателю все новые и новые концептуальные перипетии, не замеченные прежними поколениями исследователей. «Не надо думать, что принцип отражения... исповедуют только материалисты» (С. 305), — пишет она и обосновывает это утверждение. Или: «Русское слово “отражение” — термин неудачный, так как обозначает не уподобление, а упругое отбрасывание, отталкивание. Однако латинский (адекватный) термин “рефлексия” (и, тем более, “рефлекс”) по-русски имеет иную коннотацию, поэтому приходится подчиниться традиции» (С. 307).

Особое место в концептуальном обосновании основной идеи автора занимает творчество Локка. Ему отведены многие страницы «Теории познания» Э. Тайсиной. «Эмблематическая система отсчета в гносеологии, так сказать, ее *mainstream* и *prima pars*, это *не* модное сегодня, разномастное и разновидное *кантианство* (и даже не диалектика Гегеля), но — теория познания Джона Локка» (С. 279). Его положение «Познание *есть* восприятие соответствия или несоответствия двух идей. Где есть <это> восприятие, там есть и познание: где его нет, там мы можем, правда, воображать, догадываться или полагать, но никогда не имеем знания (С. 283)» становится своеобразным отправным пунктом для обоснования синтагматики, ее ключевых гносеологических, эпистемологических, семантических и т.п. проблем. Можно сказать, что новые интерпретации и концептуализации выводятся из уже казавшихся забытыми идей Локка¹. Ему же посвящены и размышления Тайсиной о знаке и значении, актуальные в связи с проблемами языкознания, где в полной мере проявилось языковедческое чутье Э. Тайсиной, лингвиста по первому образованию. Не зря третья глава имеет разделы с характерными названиями «Философы как лингвисты» и «Лингвисты как философы», в которых обновляющаяся гносеология подвергается семиотической рефлексии. Сама семиотика, по мнению автора монографии, своеобразно снимает ограниченность субъект-объектных отношений: диада «субъект-объект» должна быть дополнена до триады «субъект-язык-объект», и помочь гносеологии в этом должна семиотика.

Таков плодотворный результат реконструкции и использования в современных исследованиях классической теории познания Локка, а затем и идей Фреге, Соссюра, Фуко...

В заключительной главе «Истина — *cor cordium* гносеологии» изложены общие соображения по проблеме истины с акцентом на ее постановку в классической гносеологии, предложены авторские подходы к ее решению, связанные с непроработанностью основной синтагмы — соотношения абсолютной и относительной истины, а также рассмотрены связь истины и заблуждения, особенности философско-научного познания.

Еще раз хочу поддержать основные авторские интенции в работе — в направлении гносеологии экзистенциального материализма — которая, хотя и диалектически отрицает прежние материалистические концепции в истории гносеологии, в том числе его марксистский этап, но вовсе не в угоду несерьезной новой моде... Согласен с автором и в том, что экзистенциальный материализм — не просто одно из логически возможных направлений философской мысли, но естественное, необходимое и субстанциальное по отношению к другим, — «нормальное» состояние философствования.

Разумеется, исследование не лишено недостатков. На наш взгляд, та же последняя глава могла бы более корректно квалифицировать различные концепции истины, если бы автор монографии был не столь строг к постмодернистской методологии в выводе о плюрализме концепций и пониманий истины. Да и сама наука ныне функционирует по постнеклассическим нормам получения знания, и его истинность определяется по-разному, по требованиям нескольких теоретико-познавательных моделей толкования истины, обобщающих многочисленные концепции истины в большие группы. Понятно — дух монографии выдержан в противостоянии эпистемологии и гносеологии, но гносеология включает в себя и предмет эпистемологии...

В зависимости от сферы и способа постижения истины, можно пользоваться (вслед за Н.В. Бряник) реалистической моделью, берущей свое начало в платоновско-аристотелевской теории соответствия (корреспондентская теория истины). Как известно, истина здесь предстает как соответствие человеческих представлений реальному положению вещей (объективный идеализм, материализм, марксизм, позитивизм). На наш взгляд, преимущественной сферой применения этой модели предстают естественные науки. В определенной степени противоположной, в так называемой конструктивистской модели (Беркли, Кант, операционализм, радикальный конструктивизм), стержневой концепцией истины является теория когеренции, а сферой ее эффективного функционирования — математические науки. И, наконец, в символической гносеологической модели истина погружается в контекст культурно-ценностных явлений и рассматривается как особая ценность, преимущественное распространение эта модель имеет в познании социокультурных явлений и процессов.

В этом смысле убедительна социальная эпистемология — альтернатива эпистемологическим проектам, «очищающим» знание от его социально-контекстуальных наслоений и элементов. И субъект, и объект являются социальными конструкциями; познается только то, что представляет собой часть человеческого мира, и так, как это диктуют социальные нормы и правила. Таково познание в коммуникативно-семиотической, культурно-антропологической, социально-институциональной, когнитивно-натуралистической и других моделях знания, которые, как нам думается, не стали объектом особого исследовательского внимания.

Мне очень близка мысль Э. Тайсиной о том, что философ «недолго может оставаться “лишь” гносеологом: глубокие размышления обяза-

тельно приводят его к вопросам социальным, контекстно-связанным: коммуникации, истории, культуры, этики, политики и т.д. (С. 363)». В философском сообществе России хорошо знают руководителя казанской школы гносеологов Эмилию Анваровну Тайсину именно таким — разноплановым, политически активным, организационно-административно эффективным философом и ученым. Рецензируемая монография представляет собой основательное научное исследование, оно актуально для философской науки, может служить прекрасным учебным пособием для аспирантов и студентов философских факультетов, интересно для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами философии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Не могу не упомянуть в этом же контексте о своем интересе к творчеству Локка (см. об этом: *Билалов М.И.* Дж. Локк о соотношении истины и знания // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 1984. № 2. С. 61 – 68).

Э.А. Тайсина Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. — СПб.: Алетейя: 2013. — 608 с.

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Как возможна сегодня теория познания? И как ее правильнее именовать в эпоху, когда с вышеназванным титулом сосуществуют и другие: эпистемология, гносеология, философия познания, философия науки, социология знания. Действительно, в условиях, когда за перечисленными титулами скрываются не просто «частнонаучные» философские дисциплины, но и проекты, каждый из которых претендует на полноту охвата соответствующей тематики и проблематики, выяснить, что такое теория познания, явно не так уж просто. В каком-то смысле знаковым является переход от термина «гносеология» к термину «эпистемология», свершившийся в первое десятилетие после распада СССР и знаменующий собой учет итогов Второй мировой и холодной войны: теперь уже и у нас учитывается тот факт, что англоязычные философы дают имена предметам.

Вместе со словом гносеология канули в лету и многие темы советской теории познания и, в первую очередь, тема борьбы материализма и идеализма. Да и сами термины как-то оказались перемещены в область историко-философских исследований. Все это вполне понятно, как понятно и то, почему мало кто озаботился проблемой перехода. Главная цель — интеграция в мировое философское сообщество, — слишком уж занимает умы современных философов. Но тем самым исчезает возможность осмыслить опыт прошлого и, вопреки знаменитому куновскому тезису о несоизмеримости, создать условия для диалога интеллектуаль-